

*Вестник ПСТГУ.
Серия II: История. История Русской
Православной Церкви.
2017. Вып. 75. С. 94–119*

*Шкаровский Михаил Витальевич,
д-р ист. наук,
главный архивист Центрального
государственного архива Санкт-Петербурга,
проф. Санкт-Петербургской духовной академии
195427 Санкт-Петербург,
ул. Академика Константинова, д. 12, кв. 11
shkarovs@mail.ru*

*Веденев Дмитрий Валерьевич,
д-р ист. наук, проф.
проф. кафедры управления и гуманитарных наук
Национальной академии руководящих кадров
культуры и искусства Министерства культуры Украины
02092, Киев, ул. Алма-Атинская, 39-а, кв. 187
zastava67@i.ua*

**ОПЕРАТИВНАЯ РАЗРАБОТКА И РЕПРЕССИИ
СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРОТИВ РЕЛИГИОЗНОГО ТЕЧЕНИЯ
«ПОДГОРНОВЦЕВ» («СТЕФАНОВЦЕВ»)
В 1930—1950-Е ГГ.**

М. В. ШКАРОВСКИЙ, Д. В. ВЕДЕНЕВ

В статье на основе недавно рассекреченных оперативных документов органов госбезопасности СССР и научной литературы рассматривается зарождение, распространение и особенности религиозной и социокультурной жизни оппозиционного («катакомбного») религиозного течения «подгорновцев» в 1930–50-х гг. Описывается личность основателя течения Стефана Подгорного, процесс превращения «подгорновцев» (под влиянием преследования православия в 1920-е гг., форсированной коллективизации, слома традиционного уклада жизни села, а также официальной установки Московского Патриархата на признание советской власти) из течения, противостоящего каноническому православию, в квазирелигиозную по форме разновидность антикоммунистической оппозиции. Рассматриваются формы и методы агентурно-оперативной и репрессивной деятельности советских органов госбезопасности против «подгорновцев». Авторы на документальной основе (в частности, органов госбезопасности Украинской ССР, где течение получило широкое распространение) подробно изучают особенности «вероучения», обрядности, мировоззрения, общественно-политических взглядов и быта «подгорновцев», их отношения с германскими оккупационными органами и послевоенные гонения на участников «катакомбного» движения. На документальном материале обосновывается вывод, что распространение этого течения в СССР стало закономерным результатом системных государственных преследований свободы вероисповедания и канонического православия. Общины «подгорновцев» воплотили основные черты «религиозного подполья»: бойкот социально-политических мероприятий власти; максимальное дистанцирование от общественной жизни

и соответствующее воспитание детей; отказ от выполнения конституционно закрепленных обязанностей, включая службу в армии и выборы органов власти; апокалиптические настроения.

Одной из малоизвестных страниц истории церковного сопротивления и катакомбного движения в СССР является развитие и разгром течения «стефановцев», или «подгорновцев», существовавшего в 1930–50-х гг. в северо-восточных областях Украины и на юге Центрального Черноземья России. Между тем, это течение имело значительное распространение, прежде всего в Сумской, Донецкой и Харьковской епархиях, и в довоенный период было заметной составной частью «иосифлян» (так называемой Истинно-Православной Церкви) в этом регионе. Все участники течения с 1927 г. были убежденными противниками Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) и, пока это было возможно, окормлялись «иосифлянскими» архиереями — последовательно епископами Варлаамом (Лазаренко), Алексием (Бум) и Павлом (Кратировым). В этой связи «стефановцы» привлекали повышенное внимание советских репрессивных органов и подвергались жестоким гонениям вплоть до фактической ликвидации течения, как относительно массового явления, в конце 1950-х гг.

При подготовке статьи были использованы документы архивно-следственных дел начала 1930-х гг. в Центральном государственном архиве общественных объединений Украины (ЦГАООУ) и Государственном архиве общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО), содержащие материалы по истории репрессий «подгорновцев» как составной части «иосифлянского» движения. К более позднему хронологическому периоду, 1940–50-м гг., относятся обзоры оперативных мероприятий по «церковно-сектантской линии» профильных подразделений органов госбезопасности Украинской ССР (УССР) — отдела «О», 2-го отдела 5-го (оперативного) республиканского управления Министерства государственной безопасности (МГБ), областных управлений МГБ, хранящиеся в фонде 3 Отраслевого государственного архива Службы безопасности Украины (ОГА СБУ).

В статье впервые вводятся в научный оборот информационно-аналитические и отчетные материалы 4-го (секретно-политического) Управления КГБ при Совете Министров УССР, 6-й отдел которого вел агентурно-оперативную работу в конфессиональной среде, аналогичные материалы антирелигиозных отделений 4-х отделов ряда областных управлений КГБ УССР (прежде всего в Сумской, Донецкой и Луганской областях), хранящиеся в фонде 2 ОГА СБУ. К сожалению, архивные материалы органов госбезопасности советской Украины, касающиеся «подгорновцев», сохранились фрагментарно, и отчеты 1940–50-х гг. антирелигиозных подразделений центрального аппарата НКГБ-МГБ-КГБ УССР и их областных управлений на сегодня являются наиболее значительным (хотя и специфическим) источником изучения деятельности этого течения.

Пока авторам не удалось выявить материалы централизованной разработки «Халдеи», служившей ведущим мероприятием органов госбезопасности по «подгорновцев» Украины с 1944 по конец 1950-х гг. При этом нельзя исключать, что ряд оперативных материалов по «церковникам-нелегалам» были переданы

созданному в 1967 г. 5-му управлению КГБ СССР–УССР (4-й отдел которого занимался религиозной сферой) и уничтожены незадолго до распада СССР согласно приказу КГБ УССР № 00150 1990 г. Во всяком случае из богатейшего документального наследия подразделения по борьбе с «идеологической диверсией» в современном архивном фонде 5-го управления КГБ УССР (ф. 25 ОГА СБУ) ныне значатся лишь «заявления, жалобы, журналы учета писем и рапортов»¹. Тем более ценным оказалось выявление в фонде 65 (дела оперативного учета КГБ УССР) целостных материалов агентурно-оперативной разработки «Скит» на общины «подгорновцев» Сталинской (ныне Донецкой) области УССР, ведшейся в 1945–1946 гг.

Задачей настоящей статьи является раскрытие механизма оперативной работы советских органов госбезопасности по отношению к религиозному подполью в СССР на примере «подгорновцев» как активного антисоветского течения. По терминологии советских спецслужб, подобные организации со времен Гражданской войны именовались «церковно-монархическим подпольем». Сам этот термин нес в себе функции и идеологемы и стандартного обвинения в политических преступлениях.

Отметим, что на фоне современных научных и научно-документальных исследований, посвященных репрессиям против религиозных течений в СССР (подготовленных, как правило, на основе архивно-следственных дел на реабилитированных лиц), почти не исследованной остается «прелюдия» к репрессиям против свободы совести — механизм агентурно-оперативной работы органов госбезопасности по отношению к священнослужителям и верующим. Между тем, без раскрытия упомянутой проблемы изучение истории церковно-государственных отношений в СССР вряд ли можно считать полноценным.

Течение «подгорновцев» возникло в последней четверти XIX в. на территории Харьковской губернии. Основателем течения, давшим ему название, стал родившийся в 1831 г. в семье крестьянина с. Тростянец Ахтырского уезда этой губернии Василий Карпович Подгорный. В г. Богодухове на собственном земельном участке Василий Подгорный устроил богадельню, которую вскоре преобразовал в женскую общину, а позднее, в 1893 г., самочинно присвоил ей статус «женского монастыря». В дальнейшем В. К. Подгорный посетил Святую Гору Афон и после возвращения известил последователей о принятии им монашества с именем Стефан (откуда появилось второе название течения — «стефановцы»). Также он сообщил, что рукоположен во иеромонаха. Для доказательства сомнительного принятия священного сана он демонстрировал на престольный крест, облачение священника, а также богослужебные книги.

Через некоторое время после возвращения с Афона Стефаном Подгорным в разных местах Харьковской губернии были самовольно основаны женские общины, в которых вводился монастырский строй жизни с общей молитвой, столом и дневными общими занятиями. «Подгорновцы» отличались демонстративным благочестием — особым усердием в посещении православных храмов, а также приглашением священнослужителей для отправления в своих домах молебнов, хотя нередко резко критиковали священноначалие Российской Право-

¹ Галузевий дежавний архів СБУ: Путівник. Харків, 2009. С. 53.

славной Церкви. В результате Стефан был задержан и после проведения дознания по указанию Святейшего Синода в 1882 г. помещен в Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь (отсюда еще одно название течения — «суздальцы»).

Находясь в монастыре, Подгорный продолжал руководить последователями «и оказывал влияние как на своих существующих единомышленников, к тому времени достигших значительного количества, так и на традиционно православных верующих». В переписке и связях «старца» с последователями ему помогали бывшая жена, дочери Прасковья и Варвара, снимавшие квартиру неподалеку от монастыря, в котором он отбывал наказание. Там же останавливались многочисленные почитатели, приезжающие к Стефану на «паломничество». Последователи считали его «святым старцем», «пророком», «святым мучеником» и т. п. После освобождения в 1904 г. к «старцу» потянулась экзальтированная околоцерковная публика, считавшая его «пророком»². По сведениям В. Д. Бонч-Бруевича (религиоведа и будущего управляющего делами Совнаркома), к 1913 г. течение «подгорновцев» насчитывало до 60 тыс. человек³.

«Стефановцы» почти не отличались от остальных православных, кроме особого почитания «старца» и исполнения его заветов: не пить, не курить, святить питьевую воду и т. п. Движение получило наибольшее распространение на Левобережной Украине и в Центральном Черноземье России (юге Курской губернии) — родных местах «старца», где жили его родственники, в том числе сын Филипп. В 1914 г. Подгорный умер. Последователи стали считать его преемниками дочерей Прасковью и Варвару.

Октябрьскую революцию 1917 г. «подгорновцы» восприняли негативно, но еще более десяти лет их общины существовали легально. Среди иерархов Русской Православной Церкви существовали различные суждения о «подгорновцах», некоторые считали их сектантами и категорически отвергали, другие не только признавали, но и рукополагали им священников.

В 1920-е гг. «стефановцев» возглавил внук основателя течения Василий Филиппович Подгорный. Он родился в 1892 г. в Тростянце (ныне Сумской области), с 9 лет проживал с матерью «при деде» в Суздале, затем служил в российской императорской армии, в годы Гражданской войны — сначала в Добровольческой армии Деникина, а затем в Красной армии. 19 марта 1922 г. Василий был рукоположен епископом Корнилием (Поповым) в Сумах во диакона, а 20 сентября 1922 г. тем же епископом, уже перешедшим в обновленчество, во священника, служил настоятелем храмов на Сумщине. После освобождения из-под ареста Святейшего Патриарха Тихона (в июне 1923 г.) о. Василий ездил к нему, принес покаяние и был принят в сущем сане. Движение окончательно оформилось в конце 1923 г. По инициативе бывшего иеромонаха Суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря Исайи (Кушнарёва) в декабре этого года в с. Дроновка Курской губернии состоялось собрание последователей «старца» Стефана. Проходило оно без разрешения властей. Вопрос о епископе, несмотря на горячие дискуссии, решен

² Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (ОГА СБУ). Ф. 65. Д. 10822. Л. 26.

³ URL: http://www.azlib.ru/b/bonchbruewich_w_d/text_0110.shtml

не был, но благочинным или духовником всех «стефановцев» избрали священника Василия Подгорного, а уполномоченным — иеромонаха Исайю.

Толчком для организационного объединения стала резолюция управлявшего Курской епархией митрополита Назария (Кириллова), в которой участники движения назывались сектантами. В начале 1925 г. делегация «стефановцев» ездил к управляющему Харьковской епархией епископу Константину (Дьякову), но он не принял ее. Иначе повел себя помощник епископа Константина — епископ Лебединский Варлаам (Лазаренко). К «подгорновцам» он отнесся очень благожелательно и даже рукоположил одного «стефановца» во священника. После назначения епископа Варлаама в Майкоп священник Василий Подгорный ездил к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому) в Нижний Новгород с жалобой на епископа Константина и просьбой дать им другого архиерея. Митрополит Сергей епископа «стефановцам» не назначил, но подчинил их общины в Курской губернии епископу Рыльскому Павлину (Крошечкину), а в Харьковской губернии — епископу Константину (Дьякову), написав последнему, чтобы он изменил свое отношение к последователям «старца» Стефана⁴.

Появление в августе 1927 г. Декларации митрополита Сергия (Страгородского) и Временного Синода с призывом к лояльности к советской власти «стефановцы» восприняли резко негативно. Сразу после опубликования Декларации священник Василий Подгорный поехал к епископу Варлааму (Лазаренко), жившему тогда в горах под Майкопом, чтобы получить его поддержку. Владыка также отрицательно отнесся к Декларации, решил не подчиняться митрополиту Сергию и отправиться по просьбе «стефановцев» на Украину, чтобы рукоположить для них несколько священников. В конце августа епископ поселился в с. Угроды Сумского округа, а затем переехал в с. Русская Березовка Белгородского округа (к тому времени южная часть Курской губернии была разделена между этими двумя округами). Осенью 1927 г. епископ Варлаам написал проживавшему в Харькове епископу Старобельскому Павлу (Кратирову), с которым познакомился в 1924 г. в Московском Донском монастыре и с тех пор имел хорошие отношения. В этом письме епископ Майкопский спрашивал, находит ли владыка Павел каноничным выход из подчинения митрополиту Сергию. Ответ был положительным, так как епископ Старобельский и ранее негативно относился к Заместителю Патриаршего Местоблюстителя.

С разрешения Грайворонского районного административного отдела епископ Варлаам служил в церкви Русской Березовки до 10 декабря 1927 г. Затем его вызвали в ГПУ, но он скрылся и, перейдя на нелегальное положение, поселился в с. Дроновка. Появление в конце 1927 г. в Русской Православной Церкви мощного оппозиционного «иосифлянского» движения и постепенное расширение его влияния в провинции способствовали принятию «иосифлянами» в молитвенное общение различных групп «полусектантов» и, в частности, «стефановцев». В феврале — начале марта 1928 г. епископ Варлаам приехал в Ленинград, где встретился с практическим руководителем «иосифлянского» движения епи-

⁴ См.: Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦГАООУ). Ф. 263. Оп. 1. Д. 65744. Т. 14. Л. 369–374.

скопом Гдовским Димитрием (Любимовым) и получил, по свидетельству священника Василия Подгорного, указание передать «стефановские» общины ближайшему «иосифлянскому» архиерею — временно управлявшему Воронежской епархией епископу Козловскому Алексию (Буя)⁵.

18 марта 1928 г. епископ Варлаам приехал в Воронеж, где, встретившись с епископом Алексием, признал его своим духовным вождем и разослал воззвания к духовенству с указанием о переходе под руководство управляющего Воронежской епархией. В 1930 г. «иосифлянский» священник Сергей Бутузов показал на допросе: «Объехав юг России, еп. Варлаам объединил на платформе организации целый ряд приходов на Полтавщине, Харьковщине, на юге Курской губ. и, в частности, группу Сумского округа, возглавляемую свящ. Василием Подгорным. Не имея абсолютности самому управлять, Варлаам передал их в полное руководство еп. Алексию. Это было начало объединения вокруг Алексия южных приходов России»⁶. Следует отметить, что, уехав в Майкоп, епископ Варлаам продолжал поддерживать отношения с «подгорновцами» вплоть до своего ареста в сентябре 1929 г.

Первоначально епископ Алексей назначил священника Василия Подгорного благочинным всей Украины и Кавказа, но уже вскоре — лишь благочинным Сумского церковного округа, включавшего Сумской, Харьковской, Артемовской, Белгородской и Владимирской (в Центральной России) округа, где также существовали «стефановские» общины. Кроме того, владыка в марте 1928 г. перевел отца Василия служить из Ильинской церкви с. Угроеды в более значительный Андреевский храм г. Сумы. Епископ Алексей также рукоположил несколько священников для подгорновских общин.

В 1928 г. представители течения провели второе собрание, на котором избрали благочиннический совет в составе священника Василия Подгорного, иеромонаха Иоасафа (Черченко) и двух мирян — А. В. Пономарева и И. Ф. Кондратенко. Этот совет периодически проводил свои заседания. Движение постепенно получало все большее распространение, охватив Донбасс (в основном Купянский округ). Даже в Таганроге появился «стефановский» молитвенный дом со священником. Только в Сумском округе существовали около 20 приходов: в Сумах, Ахтырке, с. Большая Писаревка, на ст. Краснополье, в селах Вольное, Яблочное, Радомля, Вязомля, Тростянец, Криничное и др.⁷

После ареста епископа Алексия (Буя) в апреле 1929 г. «стефановские» общины обратились с просьбой к епископу Павлу (Кратирову) принять их под свое управление. Однако этот владыка соглашался принять их не в качестве единой организационно оформленной «подгорновской общины», а лишь как отдельные приходы. Поэтому формально присоединение не состоялось, хотя епископ Павел на практике окормлял их: давал архиерейские советы, улаживал различные конфликты в общинах, направлял несколько раз их кандидатов для рукоположения к епископу Димитрию (Любимову) в Ленинград и даже посылал священно-

⁵ ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 65744. Т. 14. Л. 362.

⁶ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 9323. Оп. 2. Д. П-24705. Т. 1. Л. 18.

⁷ ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 65744. Т. 4. Л. 295; Т. 3. Л. 135–136.

служителей, переходящих из других течений, к священнику Василию Подгорному как благочинному Сумского округа⁸.

Епископ Павел вообще очень благожелательно относился к «стефановцам» и неоднократно защищал перед владыкой Дмитрием (Любимовым), которому далеко не все нравилось в них (некоторые ленинградские иосифляне открыто считали последователей «старца» Стефана чуть ли не сектантами). Так, епископ Дмитрий на допросе от 21 декабря 1930 г. по делу «Всесоюзного центра церковно-монархической организации “Истинное Православие”» заявил: «На Украине было нечто вроде секты, хотя церковь их сектантами не считала. Я говорю о так называемых “стефановцах” и “подгорновцах”, как они себя сами называли. Их отличительная черта — до известной степени фанатичность...»⁹

«Подгорновские» общины состояли в основном из зажиточного крестьянства и отрицательно относились ко многим мероприятиям государственных органов. «Стефановцы» активно распространяли «пророчество старца о том, что советская власть падет в 1933-м». К началу 1930-х гг. сам образ основателя течения уже приобрел в сознании «последователей» мифологические черты. Как показал на допросе 18 июля 1945 г. псаломщик подгорновской церкви в Тростянце Афанасий Гробов, о Стефане Подгорном ходило множество легенд: считалось, что он «виделся с Богом», «ясновидящий», «всемогущий», «святой», его «обманули попы», с ним «хотел видеться царь», его «не берет яд, у него в 80 лет росли зубы» и т. п.¹⁰

Обстановка особенно накалилась в 1930 г. в связи с проведением массовой коллективизации; в селах, где проживали «стефановцы», она осуществлялась с большим трудом. Так, по данным следствия, председатель церковного совета Тростянецкого прихода Иван Кондратенко публично заявлял: «Грабят и грабят крестьян без конца, а крестьяне-дурни еще и хлеб добровольно сдают. Не надо сдавать хлеб антихристу, ибо наш хлеб — это наша кровь, которую антихрист пьет вместо вина, как написано в наших святых книгах»¹¹.

Летом 1930 г. волна антиколхозных выступлений прокатилась по селам Больше-Писаревского, Богодуховского и Ахтырского районов, почти исключительно там, где существовали «стефановские» общины: в селах Поляное, Люджа, Верхняя Люджа, Вольное, Верхняя Пожня, Добринское, Солдатское, Корбины Ивановы, Большие Ивановы, Сенное и Бахиревка. На допросе в ГПУ священник Василий Подгорный показал: «Мне известна попытка Кушнарера Исаяи, иеромонаха хут. Высокого Ахтырского района, поднять народ на “крестовый поход” против советской власти в с. Никитовке Тростянецкого района. Летом 1930 г... с этой целью он выступил в церкви с проповедью против советской власти и предложил верующим двинуться против нее “крестовым походом”... У него был план двинуться вместе с народом на Тростянец. Но эта попытка потерпела неудачу». В протоколе допроса иеромонаха Исаяи говорится,

⁸ ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 65744. Т. 3. Л. 135–137.

⁹ Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Д. Н-7377. Т. 11.

¹⁰ ОГА СБУ. Ф. 65. Д. 10822. Л. 161.

¹¹ ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 65744. Т. 14. Л. 386.

что, следуя его призывам, никто из членов общины не вступал в колхоз и другие советские организации¹².

В обвинительном заключении «стефановцев» упомянуты два вооруженных восстания под руководством Фомы Трохова и Петра Змиевского: 8 июля в с. Корбины Ивановы и 10 августа в с. Вольном. Именно эти выступления послужили единственным аргументом ОГПУ, для того чтобы все «иосифлянское» движение охарактеризовать как «повстанческую, террористическую организацию». На самом деле указанные восстания были подняты даже без одобрения благочиннического совета «стефановцев». Фома Трохов пытался получить благословение священника Василия Подгорного, говорил, что его выбор — «зеленая армия», но поддержки не нашел¹³.

По словам священника из с. Бакировка Стефана Ильиченко, когда он рассказал епископу Павлу (Кратирову) о вспыхнувших крестьянских волнениях, епископ заметил: «Они правы, да иначе и не могло быть; крестьянство никогда не сможет привыкнуть к смешной, губительной для него новой форме землепользования. Социализм — глупость, а не выдумка большого разума, как и сама Советская власть». Известно, что когда к владыке приезжали крестьяне спросить его — вступать ли им в колхоз, епископ Павел советовал поступать каждому, как велит его совесть. Вскоре после подавления волнений в селах Сумского и Харьковского округов — 16 октября 1930 г. — были арестованы 13 «стефановцев», в том числе священник Василий Подгорный (схваченный агентами ГПУ в Сумах), иеромонах Исайя (Кушнарев) и еще один член благочиннического совета. Аресты ряда других «стефановских» священнослужителей проводились позднее, в декабре 1930 — январе 1931 г. Так, настоятель церкви св. Архангела Михаила г. Ахтырка священник Филипп Назарчук был арестован после того, как 7 декабря отказался дать в милиции подписку, что не будет препятствовать снятию колоколов¹⁴.

17 декабря 1930 г. был арестован руководитель «подгорновских» общин в Донбассе священник Феодор Павлов. Он служил настоятелем Крестовоздвиженского молитвенного дома в Дебальцево и, кроме того, окормлял общины в городах Славянске, Верхнянске, Артемовске, Макеевке, Сталино, Ровеньки, селах Фашевка, Чернухино, Константиновка, Никитовка. Верхнянская группа насчитывала 200 человек, дебальцевская — 80, остальные были меньше. «Подгорновская» община в Дебальцево была создана в конце 1927 г. иеромонахом Исайей (Кушнаревым), а в начале следующего года священник Василий Подгорный прислал в город о. Феодора Павлова. После ареста о. Феодора богослужений в дебальцевской общине уже не было, хотя в город приезжало духовенство из соседнего «иосифлянского» прихода на ст. Ханжоновка — священник Митрофан Дусь и монах Ананий (Чернов). В общине были две монахини: Екатерина (Батюшкова) и Мария (Тараканова). Четыре члена приходского совета Крестовоздвиженского молитвенного дома в Дебальцево были задержаны 16 января 1931 г.¹⁵

¹² ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 65744. Т. 4. Л. 223, 297, 315.

¹³ Там же. Т. 1. Л. 42; Т. 4. Л. 315.

¹⁴ Там же. Т. 3; Т. 12. Л. 78–81.

¹⁵ Там же. Т. 12. Л. 84–109.

Все арестованные «стефановцы» прошли по делу «Истинно-Православной Церкви» на Украине. Это дело было сфабриковано ГПУ УССР в январе–июне 1931 г. В качестве обвиняемых были привлечены 140 «иосифлян»: два епископа, 52 священника, 19 монашествующих, семь диаконов и псаломщиков, 60 мирян. В обвинительном заключении утверждалось, что «контрреволюционная организация церковников “Истинно-православная церковь” была широко разветвлена и охватывала своими филиалами весь Советский Союз», в том числе Украину. В республике якобы существовала жестко организованная сеть групп и ячеек «Истинно-Православной Церкви», непосредственно управляемая Ленинградским и Московским центрами. Эта сеть, по версии ГПУ, состояла из трех филиалов: Харьковского, Днепропетровского и Одесского. В Харьковский филиал будто бы входило 11 групп, в том числе состоявшие из «стефановцев» особые Сумская и Дебальцевская группы¹⁶. Священник Василий Подгорный вел себя на допросах довольно откровенно, подробно рассказав об истории течения, ее общинах, священнослужителях и т. д.

Постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 14 декабря 1931 г. 53 человека были приговорены к трем годам концлагерей, 58 — к высылке в Северный край на три года, пять — к лишению права проживания в 12 населенных пунктах с прикреплением к определенному месту жительства на три года, десять были освобождены из-под стражи. Другим постановлением — Коллегии ОГПУ от 2 января 1932 г. — группа основных обвиняемых, в том числе священник Василий Подгорный (как «руководитель Сумской и Дебальцевской групп Харьковского филиала контрреволюционной монархической организации ИПЦ») и епископ Павел (Кратиров), были приговорены к 10 годам лагерей¹⁷. В дальнейшем оба они на свободу уже не вышли, погибнув в заключении.

Часть «стефановцев», проживавших на юге Центрального Черноземья России, была арестована и осуждена в ходе двух групповых дел «Церковно-монархической организации “буевцы”». Первое из них было сфабриковано в феврале–марте 1930 г. В эти месяцы по делу оказались арестованы 134 человека, а всего привлечено 492 человека (приговоры вынесли в июле 1930 г.)¹⁸. С 4 октября 1932 по 4 января 1933 г. в Воронежской епархии прошли массовые аресты по новому делу «Церковно-монархической организации “буевцы”», тогда в тюрьме оказалось еще 202 человека¹⁹.

Однако эти репрессии не уничтожили течения. Всплеск крестьянского сопротивления коллективизации, особенно мощный на Украине, привел к оживлению протестных настроений религиозной направленности, расширению круга сторонников различных оппозиционных и антисоветских религиозных групп и течений. После постепенного исчезновения легальных возможностей деятельности стефановцы в основном ушли в подполье, не желая признавать «краснодраконовскую власть антихриста»²⁰. В первой половине 1930-х гг. получили рас-

¹⁶ ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 65744. Т. 3. Л. 99; Т. 1. Л. 5–15.

¹⁷ Там же. Т. 3. Л. 91–92.

¹⁸ ГАОПИВО. Ф. 9323. Оп. 2. Д. П-24705.

¹⁹ Там же. Д. П-17699.

²⁰ ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 74. Т. 1. Л. 177.

пространение их тайные («катакомбные») общины и молитвенные дома, была создана сеть конспиративных явок и убежищ²¹.

Подгорновцы по-прежнему не только активно выступили против коллективизации, но и отказывались участвовать в выборах, пускать в школу детей и т. п. Мотивацию членов течения к сопротивлению советской власти, в частности, раскрыл следствию один из ведущих духовных авторитетов «стефановцев» Донбасса Тимофей Буряк, заявивший на допросе: «...мой отец был порядочным человеком, много трудился, но советская власть его раскулачила, сейчас крестьянин вынужден горбиться за 300 граммов хлеба, власть арестовывает священников» и т. д.²²

В период «большого террора» конца 1930-х гг. общины «стефановцев» были в основном разгромлены НКВД, но не уничтожены полностью. Преемником отца Василия в качестве руководителя течения стала дочь «старца» Стефана Варвара Подгорная-Виноградова. Общины «стефановцев» возглавляли и другие члены семьи Подгорных. В частности, как показал арестованный в 1946 г. на Сумщине священник-«подгорновец» Тихон Павлов, в с. Верхнее Лисичанского района Луганской области с 1927 по 1941 г. общину возглавлял священник Федор Фальченко, муж внучки старца Стефана²³.

В годы Великой Отечественной войны наибольшее распространение частично возродившиеся общины «подгорновцев» получили на оккупированной территории Сумской, Полтавской, Запорожской, Кировоградской и Днепропетровской областей, где они открыли семь православных храмов. Конъюнктурно-лояльное отношение немецких оккупантов «стефановцы» использовали для созыва в октябре 1942 г. в Тростянце Сумской области «Всеукраинского съезда», который выбрал «Руководящий совет» во главе с о. Григорием Дудником и участием священников-«подгорновцев» Григория Сокрута и Иоасафа Черченко (что само по себе рассматривалось советскими агентами госбезопасности как серьезное свидетельство «враждебной деятельности»).

При этом о. Григорий Дудник был объявлен благочинным общин на территории Сумской, Курской областей и Донбасса, ему удалось получить от немецких властей разрешение на занятие ряда храмов и открытие монастыря. По сведениям Наркомата госбезопасности (НКГБ), упомянутый съезд призвал молиться за немцев и помогать им в борьбе с партизанами²⁴. Проповедник-«подгорновец» Иван Черченко так обращался к членам общины: «Гитлер освободил нас от жидо-большевицкого гнета, поэтому будет очень правильно, если мы в своих проповедях будем благодарить его и молить господу о даровании ему победы над врагом», а священник-«подгорновец» Леонтий Фурдыло заявлял прихожанам: «Только благодаря немцам Бог дал нам храм, и мы должны молиться за здоровье их»²⁵. Впрочем, к подобным свидетельствам в следственных делах надо относиться с большой осторожностью.

²¹ ОГА СБУ. Ф. 65. Д. 10822. Л. 27.

²² Там же. Л. 69.

²³ Там же. Ф. 2. Оп. 27. Д. 4. Л. 5.

²⁴ Там же. Д. 6. Л. 227; Ф. 65. Д. 10822. Л. 29.

²⁵ Там же. Ф. 65. Д. 10822. Л. 167, 170.

В информационном письме НКГБ УССР в областные управления от 2 июня 1944 г. № 879/с отмечалось, что «подгорновцы» распространяли слухи о том, что Стефан «предсказал приход немцев», которые «поставят царя Михаила и уйдут из России». На оккупированной территории они открыли большое количество общин в Сумской, Полтавской, Запорожской, Кировоградской и Днепропетровской областях. Появились многочисленные домашние церкви, возникли монастыри. Получила хождение «теория сорока обеден», согласно которой любой человек, отслуживший столько литургий, получит «таинство освящения». После восстановления советской власти большинство общин отказалось признавать возрожденное патриаршество, ушло в подполье и прилагало усилия для дискредитации Московского Патриархата, его епископата и клира. При этом, по данным агентуры НКГБ, деятельностью «стефановцев» Украины руководило «Епархиальное управление», скрывавшееся в местечке Славгород Краснопольского района Сумской области²⁶.

Общины «подгорновцев» служили объектами оперативного мониторинга НКГБ УССР в период оккупации и после освобождения территории республики, о чем свидетельствует директива № 1328/с от 22 июля 1944 г. наркома госбезопасности УССР генерал-лейтенанта С. Савченко: «По имеющимся в НКГБ УССР сведениям, на территории областей Украины существуют “дикие” приходы, нелегальные монастыри и скиты православной церкви, не подчиненные Московской патриархии и считающие себя “истинно-православной церковью” на том основании, что руководители патриархии “продались” советской власти». В директиве указывалось, что в Харьковской области и на Донбассе распространение получили «подгорновцы», отказывающиеся от подчинения архиереям Московского Патриархата. Савченко ставил задачу органам НКГБ «через проверенную агентуру» выявлять и брать на учет подобные общины, активно вести их оперативную разработку, «не затягивая» с агентурным изучением, «катакомбные» организации ликвидировать путем ареста их руководителей и актива из мирян, выявлять среди них агентуру немецких спецслужб, дезертиров, активных пособников оккупантов. При этом указывалось, что церкви и молитвенные дома закрывать не следует, «принимая меры к назначению в них наших агентов-священников», а «дикие» приходы — компрометировать перед верующими²⁷.

Для разработки «стефановцев» в 1944 г. было заведено централизованное агентурное дело НКГБ УССР «Халдеи», 15 активистов течения подвергли аресту. При этом контрразведка выявила факты сотрудничества некоторых из них с немецкими спецслужбами. Так, один из церковных старост, Сергей Курочкин, был якобы завербован гестапо и использовался по линии борьбы с партизанами, ряд выданных им патриотов были казнены оккупантами²⁸. Вскрывались и другие драматические факты, когда, воспользовавшись приходом оккупантов, часть пострадавших от раскулачивания и репрессий «стефановцев» мстили обидчикам.

В частности, открывший «подгорновскую» церковь в с. Пологи Ахтырского района Сумской области Иван Остапенко (в прошлом фигурант сфабрикован-

²⁶ ОГА СБУ. Ф. 9. Д. 74. Т. 1. Л. 177–181.

²⁷ Там же. Д. 75. Л. 11.

²⁸ Там же. Ф. 13. Д. 375. Л. 122–123.

ного ГПУ УССР громкого дела «Союз освобождения Украины») подал заявления в немецкую полицию на своих обидчиков, вернул ранее отобранный дом и оклеветал ряд односельчан, обвинив их в помощи партизанам (трех человек немцы расстреляли)²⁹. Раскулаченный «подгорновец» Митрофан Доронин, вернувшись в Авдеевку Сталинской области, отобрал свое имущество и выгнал зимой из своего бывшего дома семью коммуниста³⁰.

В начале 1945 г. агенты НКГБ нанесли первый серьезный удар по «стефановцам» — по материалам агентурного дела «Святоши» в Сталинской области был ликвидирован нелегальный так называемый Зайцевский монастырь, расположенный в с. Зайцево Горловского района. Его участников осудили по обвинению в причастности к «подпольной антисоветской церковно-монархической организации». Как говорилось в материалах следствия по делу насельников монастыря, обитель основала в первые годы советской власти «дочь крупного шахтовладельца — Пыжова Ефросинья Антоновна», принявшая сан игумении и создавшая затем «подпольную церковно-монархическую организацию». Она и бывший иеромонах Киево-Печерской лавры Вениамин (в миру В. Ф. Филиппов) якобы «под видом отправления религиозных обрядов и богослужений» вели работу по «восстановлению монархии»³¹.

Как показала 7 марта 1945 г. на допросе арестованная игумения Ефросиния (в миру Екатерина Антоновна Пыжова), в Зайцевском монастыре она пребывала с 1923 г., с 8 лет пела в церковном хоре, побывала в Киево-Печерской лавре, Святогорском монастыре, много читала духовной литературы. В 1923 г. ее отец (бывший шахтовладелец из Константиновки) был пострижен иеромонахом Михаилом (Костюком) в монашество с именем Михаил, брат Петр стал монахом Сысоем, а брат Василий — монахом Иоанном.

Упомянутый о. Михаил (Костюк), скрывавшийся в Зайцевском монастыре в 1929–1939 гг., также занял определенное место в истории «церковно-монархического подполья». В начале 1944 г. НКГБ разгромил так называемую церковно-монархическую организацию, будто бы действовавшую под видом ставропигиального монастыря во главе с архимандритом Михаилом (Костюком). Эта «организация» имела «филиалы» в Сталинской (Донецкой) и Ворошиловградской областях. Себя о. Михаил якобы называл «самодержцем Всероссийским» и «Патриархом всея Руси». По делу арестовали 28 человек (в основном монахинь). Как отмечал нарком госбезопасности Украины С. Савченко в директиве № 520/с от 23 марта 1944 г., «под видом монахов у Костюка скрывались активные колаборанты и агенты немецких спецслужб». При этом стандартный для того времени характер политических обвинений в адрес архимандрита Михаила заставляет предполагать ложность подобных утверждений НКГБ³².

В показаниях арестованных насельниц Зайцевского монастыря довольно подробно описана его внутренняя организация. Как показала монахиня Ольга (в миру Александра Чуйко), обитель занимала площадь в один гектар, была

²⁹ ОГА СБУ. Ф. 2. Оп. 23. Д. 26. Т. 2. Л. 8.

³⁰ Там же. Ф. 65. Д. 10822. Л. 133.

³¹ Там же. Л. 129.

³² Там же. Ф. 13. Д. 462. Л. 6; Ф. 9. Д. 74. Л. 84–85.

огорожена забором с постами охраны и цепными собаками. В монастыре насчитывалось до 30 постоянных обитателей, имелись три жилых дома (в одном из них находилась церковь, при которой жили отцы Серафим и Вениамин), кухня, прачечная, сараи для инвентаря, загоны для скота. Насельницам воспрещалось посещение кино, театров и подобных «бесовских» заведений, чтение газет. Монах Вениамин также категорически запрещал посещение храмов Московского Патриархата как «еретических». Богослужение начиналось в 4 часа утра и длилось до 10 часов, вечером службы проводились в 17–20 часов. За проступки накладывалась епитимия в 100–500 поклонов. В город насельницы выходили только с разрешения священника, по одной, в целях легализации иногда работали в государственных структурах, порой заключая между собой фиктивные браки для отвода подозрений в совместном проживании мужчин и женщин (Е. Пыжова состояла в таком союзе с А. Качановым, реально общаясь с ним «как с братом»).

Насельницы жили обработкой земли, совместным ведением хозяйства, имели общий стол и имущество, получали пожертвования (ежемесячно монастырь посещало до 100 человек). Сестры поддерживали общение с тайным монастырем «старца» Якова Широкого в с. Кобыляки. Несомненно, такое длительное существование в сталинскую эпоху в густонаселенном Донбассе подобной нелегальной религиозной организации оказалось возможным только при условии массовой поддержки со стороны местного населения. Это можно рассматривать и как свидетельство глубокой латентной религиозности людей даже в период жесточайших гонений на веру.

В мае 1945 г. в Сумской области НКГБ был «вскрыт центр антисоветской церковно-монархической организации подгорновцев», якобы занимавшихся в период оккупации «клеветой на советскую власть». 15 января 1946 г. Военный трибунал Сумского гарнизона приговорил пять участников группы к 5–10 годам лагерей. Была оправдана лишь некая Анна Забела, «пересказывавшая сновидения антисоветского характера и монархического толка», а также утверждавшая, что «всех, кто не пойдет за подгорновцами, отправят на вечную муку в пекло», а самим «стефановцам» обеспечена райская жизнь³³.

Несмотря на проведенные аресты, предпринятый начальством анализ оперативной работы по «подгорновцам» привел к серьезной критике результатов работы 2-го (контрразведывательного) управления НКГБ УССР. 23 марта 1945 г. начальник 5-го (антирелигиозного) отдела 2-го управления НКГБ СССР комиссар госбезопасности (генерал-майор) Г. Карпов и заместитель начальника этого же управления Илюшин направили главе НКГБ УССР письмо, целиком посвященное критическому разбору оперативной работы по «стефановцам».

В этом документе отмечалось, что в УССР широко распространилось «церковное течение т. н. суздальцев», их агитация имеет большой успех среди населения, «число сторонников суздальцев до последнего времени продолжает увеличиваться», и для адептов этого течения присущи обвинения Патриаршей Церкви в том, что она «продалась большевикам». Московские «религиоведы» отмечали, что «суздальцы» использовались немцами; основной «базой» движения служит Сумская область, где действуют 14 легальных церквей во главе с благочинным

³³ ОГА СБУ. Ф. 65. Д. 10822. Л. 129–130.

о. Григорием Дудником. НКГБ СССР указывал на ситуацию в Сталинской области как на вопиющее обстоятельство, где благодаря распространению «суздальских общин» «в ряде районов полностью парализована деятельность патриаршей церкви», вокруг молитвенных домов «суздальцев» группируются «болящие», «пророчицы», «антисоветский элемент». Негативно оценивалась работа НКГБ УССР как не предпринявшего надлежащих мер к пресечению деятельности «подгорновцев», и предлагалось к 10 апреля представить в НКГБ СССР план агентурно-оперативных мероприятий по линии упомянутого течения³⁴.

Среди мер, предпринятых в региональных органах НКГБ УССР в ответ на приведенные указания, можно привести разъяснения начальника УНКГБ по Сталинской области полковника Демидова, направленные им местным отделениям УНКГБ 12 октября 1945 г. Документ интересен тем, что представляет собой своеобразную квинтэссенцию представлений о «церковно-монархическом подполье» в подразделениях спецслужбы тех областей, где движение было достаточно активно. Как писал Демидов, данное подполье появилось в результате того, что «реакционная часть духовенства и верующих тихоновской ориентации расценила обращение впоследствии патриарха Сергия как предательство и переход церкви на сторону советской власти», ушла в подполье и ведет борьбу с «мероприятиями соввласти и церковью патриаршей ориентации». Оно не признает власти, ее члены не вступают в колхозы, уклоняются от воинской службы и работы в советских организациях, «не посещают культурных и увеселительных учреждений»³⁵.

Сотрудникам НКГБ ставились следующие оперативные задачи: направить ранее приобретенную агентуру по линии разработки РПЦ на выявление нелегальных групп и молитвенных домов течений подполья; взять в активную разработку «бесприходное бродячее духовенство, монахов и монашек, вести их разработку в направлении принадлежности» к подполью; выявить связи между нелегальными общинами разных территорий; ввести в разработку подполья «проверенную агентуру по линии церковников», на основе «компрометирующих материалов» приобрести источники среди «близких связей» активистов; собирать сведения о деятельности подполья в период оккупации³⁶.

О предпринятых органами госбезопасности УССР оперативно-розыскных и следственных мероприятиях против «подгорновцев» дают представление материалы агентурной разработки № 256 «Скит» Управления НКГБ по Сталинской области. Вероятно, они были заведены в порядке реагирования на письмо главы НКГБ УССР С. Савченко начальнику Сталинского УНКГБ от 6 декабря 1945 г., где предписывалось активизировать разработку «стефановцев» и до 10 января 1946 г. представить в НКГБ УССР план мероприятий.

Необходимо отметить, что образовательный уровень оперативного состава органов НКГБ-МГБ был в целом невысок, что не могло не отражаться на содержании информационно-аналитических материалов, формах, методах и стиле работы, особенно среди религиозного подполья с неординарным социально-

³⁴ ОГА СБУ. Ф. 2. Оп. 27. Д. 4. Л. 3 – 3 об.

³⁵ Там же. Ф. 65. Д. 10822. Л. 25 – 25 об.

³⁶ Там же.

психологическим обликом его участников и их открыто враждебным отношением к советскому государству³⁷.

Упомянутую разработку УНКГБ по Сталинской области «Скит» «по отношению секты подгорновцев-стефановцев» начал 12 декабря 1945 г. сотрудник 4-го отделения (антирелигиозного) 2-го отдела капитан Кныш (11 сентября 1946 г. дело переименовали в «Халдеи»). При этом офицер ссылаясь на указание НКГБ УССР № 15/Д от 14 февраля 1945 г., согласно которому было заведено централизованное дело «Скит» по отношению к «Истинно-Православной Церкви». Как отмечалось в документе, составленном Кнышом, «подгорновцы» устраивали нелегальные «сборища», вели «антисоветскую монархическую пропаганду». Подпольные группы течения имелись в городах Мариуполь, Дебальцево, Константиновка, Макеевка, Дзержинск и нескольких районах области. Назывались и основные выявленные фигуранты разработки: Прасковья Пидчиха — руководитель подпольной группы, содержательница нелегального молитвенного дома на ст. Сталино; Петр Тонкачев — псаломщик «подгорновской» церкви; Конон Сердюк — староста «подгорновской» церкви в период оккупации³⁸.

К тому времени, как показал на допросах арестованный бывший руководитель «подгорновцев» области, служивший на ст. Мушкетово священник Леонтий Фурдыло, в регионе имелись достаточно многочисленные общины: до 300 человек в областном центре Сталино и пригородах, до 200 — в индустриальной Макеевке, около 200 — в Дебальцево и до 100 — в Мариуполе³⁹.

Областное управление НКГБ уже имело определенный опыт работы против «подгорновцев», прежде всего по упомянутому делу нелегального монастыря в с. Зайцево. Как докладывал 11 января 1946 г. Савченко начальник УНКГБ Демидов, проведенными агентурно-оперативными мероприятиями было «вскрыто» подполье «подгорновцев» области, установлена личность 87 участников, расположение шести нелегальных молитвенных домов. В основном участниками течения являлись бывшие кулаки, «активные немецкие пособники» в период оккупации, отбравшие ранее конфискованное у них имущество и «восхвалявшие немецкую власть». Немалая часть активистов течения прошла через Зайцевский монастырь.

В деле приводились многочисленные высказывания, характеризующие взгляды «подгорновцев» на общественную и религиозную жизнь в СССР. Они крайне враждебно относились к Московскому Патриархату как к «церкви антихриста» и «коммунистам». Распространялись апокалиптические слухи о скором голоде и людоедстве, приходе «саранчи с железными клювами, которая будет клевать грешников». «Праведников» спасет пришедший «с Востока долгожданный царь Михаил». Утверждалось, что «Стефана Подгорного замучили коммунисты»⁴⁰.

³⁷ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2423. Л. 2–5; *Сергийчук В. І.* ОУН — УПА в роки війни: нові документи і матеріали. К., 1996. С. 78; *Веденєв Д., Биструхін Г.* Двобій без компромісів. Протиборство спецпідрозділів ОУН та радянських сил спецоперацій. 1945–1980-ті роки: Монографія. К., 2007. С. 334.

³⁸ ОГА СБУ. Ф. 65. Д. 10822. Л. 3–4.

³⁹ Там же. Л. 29.

⁴⁰ Там же. Л. 102–104.

По мнению УНКГБ, руководителем подполья выступала Анна Вылгина, ранее проживавшая в Зайцевском монастыре. Она и монахиня Олимпиада (в миру Мария Вылгина) получали письменные указания («о сохранении кадров подгорновцев») из ссылки от ранее осужденной игумении монастыря Ефросинии (Пыжевой). В докладе отмечалось, что в Ясиноватой усилиями агентов «Петровой» и «Ясной» выявлен «замаскированный молитвенный дом» в жилище отбывшей ссылку Серафимы Збарацкой. Как отмечали источники УНКГБ, Збарацкая с детства окормлялась в Святогорском монастыре, в период оккупации содержала дом для собраний «подгорновцев», лично «допускала антисоветские выпады», распространяла слухи о введении монархии после войны и призывала игнорировать политические мероприятия советской власти⁴¹.

В поле зрения агентов НКГБ пребывал и Илья Фурсов, бывший насельник Зайцевского монастыря, содержатель молитвенного дома в районном центре Авдеевка, куда ходило до 15 «подгорновцев», содержались церковная утварь, иконы, проживали «болящий Андрияша» и «разные бродячие лица». Согласно донесениям агента «Соколовой», И. Фурсов не признавал Московский Патриархат, где, по его словам, «служат священники советской власти», предрекал восстановление монархии⁴².

Однако особое внимание было уделено разработке Прасковьи Пидчихи, содержательницы молитвенного дома на ст. Сталино. Этот дом она организовала еще в 1929 г., позднее пребывала под судом. Ее сын Анатолий был осужден на 20 лет каторжных работ за участие в германском карательном формировании. Как отмечалось в документе дела «Скит», дом молитв был «оборудован 76 иконами, 12 лампадами, посредине дома лежит плащаница, стены увешаны портретами о. Стефана Подгорного и других монахов, имеется большое количество церковной литературы. При доме имеется келья, где проживают прислужники, и ютится бродячий элемент». Дом посещало до 20 «стефановцев», которые вместе молились за «старца» Стефана, царскую семью и репрессированных членов общины⁴³.

Накопив определенный агентурный материал и, видимо, желая не откладывать доклад в НКГБ УССР о достигнутых результатах, 14 января 1946 г. Сталинское УНКГБ провело операцию по аресту актива «стефановцев» региона, для чего было выделено 58 оперативных работников, технические сотрудники и агенты наружного наблюдения, понятые, создана следственная группа. Задержанных «болящих» и юродивых предписывалось сдать в дом инвалидов. По ходу операции предполагалось через «лояльных настоятелей и проверенную агентуру» развернуть разъяснительную работу в храмах Русской Православной Церкви об «антисоветской сущности подгорновцев». Всего в камеры посадили 21 задержанного, обеспечив их внутрикамерной агентурной разработкой. В марте арестовали навещавшую «стефановцев» Донбасса «матушку из Богодухова» — монахиню Валерию (в миру Лукию Гапотченко)⁴⁴.

⁴¹ ОГА СБУ. Ф. 65. Д. 10822. Л. 100.

⁴² Там же. Л. 101.

⁴³ Там же. Л. 101 об.

⁴⁴ Там же. Л. 108–124.

К 17 марта 1946 г. по делу «Скит» (переименованному, как уже отмечалось, в «Халдеи») оперативно выявили 37 стефановцев. 19 из них (якобы участники «церковно-монархического подполья» с 1923–1928 гг.) были осуждены по ст. 54-10, 54-11 УК УССР. Остальные фигуранты находились в преклонном возрасте, и материалов для их дальнейшей разработки не имелось. В связи с этим дело «Халдеи» в сентябре 1946 г. прекратили.

Несмотря на активные розыскные мероприятия и судебные приговоры первых пяти лет реализации дела «Халдеи», «стефановцы» частично сумели сохранить свои подпольные структуры. К 1947 г. НКГБ УССР арестовал 36 «подгорновцев», включая 11 их священников и весь, по терминологии чекистов, «руководящий состав» течения. Однако на учете (лишь на республиканском уровне) по-прежнему состояло 55 активистов течения. Руководство отдела «О» МГБ УССР ставило перед подчиненными в профильных подразделениях областных управлений МГБ задачи выявления через создание агентурных позиций и задержания авторитетов течения, разложения его общин посредством компрометации священнослужителей перед рядовыми членами «подгорновских» групп⁴⁵.

В приказе МГБ УССР от 22 ноября 1950 г. указывалось на слабую разработку дела «Халдеи», в результате чего в одной только Сумской области насчитывалось 11 групп со 130 участниками. Как констатировалось в справке МГБ о нелегальных «церковно-сектантских общинах» республики от 25 января 1950 г., по УССР на оперативном учете состояло 15 групп этого течения численностью не менее 200 адептов⁴⁶. Помимо централизованного дела агентурно-оперативные разработки завели те управления МГБ республики, где были выявлены неподавленные общины «стефановцев».

Целесообразно привести «профессиональную» оценку «подгорновцев» со стороны советских спецслужб, способную во многом пояснить официальную трактовку и те методы, которые МГБ-КГБ применяли к религиозной оппозиции. В докладной записке от 18 декабря 1959 г. в ЦК Компартии Украины председатель КГБ республики (в 1954–1970 гг.) В. Никитченко подчеркивал, что в период оккупации оживились сектантские течения, «вероучение которых основывается на антисоветской платформе» — пятидесятники-сионисты, адвентисты-реформисты, свидетели Иеговы — ильинцы, а также «Истинно-Православная Церковь», подгорновцы, иоанниты, иннокентьевцы, хлысты, мурашковцы и др.⁴⁷

В послевоенный период сотрудники МГБ-КГБ дали общую характеристику подобным течениям, объяснявшую в контексте тогдашнего видения проблем безопасности государства характер оперативных мероприятий по отношению к религиозному подполью: указанные группы «переросли в антисоветское подполье из религиозных формирований, построенных по специальной структуре, с наличием своих руководящих центров, нелегальных типографий, шифрами, институтами связников, курьеров и т. п.»⁴⁸. По сути, общины «подгорновцев» и других упомянутых течений трактовались как опасные нелегальные формирования

⁴⁵ ОГА СБУ. Ф. 3. Оп. 261. Д. 2. Л. 115–116.

⁴⁶ Там же. Л. 157; Д. 1. Л. 74.

⁴⁷ Там же. Ф. 1. Оп. 21. Д. 2. Л. 16.

⁴⁸ Там же. Оп. 12. Д. 4. Л. 1.

со всеми атрибутами «подрывной» деятельности и, соответственно, как объект контрразведывательного противодействия с применением практически всего основного служебного арсенала и последующего жесткого репрессирования.

К середине 1952 г. Сталинское УМГБ вело дело «Скорпионы» на «церковно-монархическое подполье подгорновцев», по которому проходило до 20 человек во главе с Прасковьей Плуталовой и проповедником Никифором Костиным. При этом в среду нелегальной общины была введена агент, в прошлом насельница упомянутого Зайцевского монастыря. Благодаря ей, в частности, были получены сведения о нелегальных собраниях общин, местах хранения религиозной литературы и утвари, методах конспирации «стефановцев»⁴⁹.

Отметим, что «стефановцам» (как и некоторым другим «катакомбным» течениям) действительно были присущи умелые конспиративные приемы и внутренняя «непроницаемость». Так, в 1949 г. МГБ арестовал Григория Бухалдина, бывшего дезертира из действующей армии и директора школы, который ведал у «подгорновцев» изготовлением подложных документов, справок, штампов и т. п. (себе он сделал документы об участии в Сумском партизанском соединении С. Ковпака)⁵⁰.

Управление МГБ по Сумской области завело дело «Фарисеи», по которому в «подгорновскую» общину ввели еще одного агента, сына благочинного «стефановца», осужденного еще в 1930 г. К июню 1951 г. в этом регионе имелось наиболее многочисленное подполье участников течения — 11 групп с примерно 130 участниками⁵¹. Изюмский городской отдел МГБ Харьковской области вел агентурное дело «Мракобесы» на группу «стефановцев» под руководством Ивана Курило, утверждавшего, что «большевики — это львы, стоящие на пути веры» распространявшего слухи о скорой гибели СССР и восстановлении монархии. «Подгорновец» Петр Федченко распространял слухи о скорой войне и победе США и Англии над СССР. Всего по Харьковской области разрабатывались три группы «стефановцев» численностью до 50 человек⁵².

Последняя по времени определенная активизация «подгорновского» подполья относится ко второй половине 1950-х гг. В условиях «оттепели», процесса освобождения и частичной реабилитации лишенных свободы по «контрреволюционным» статьям в 1954–1956 гг. на свободу вышел ряд руководителей течения, ранее получивших фатальные для немолодых людей 25-летние сроки лагерей. Возвращение важных для религиозного подполья харизматических лидеров с ореолом «мучеников» не могло не катализировать жизнь подпольных общин, давно не имевших единого руководства.

Руководители «подгорновского» течения со свойственной им политизацией мышления уловили возможный эффект от определенной либерализации общественной жизни периода «хрущевской оттепели». Показательны в этом отношении зафиксированные агентурой слова активного «стефановца», объекта оперативной разработки «Реставратор» управления КГБ по Сумской области (1956 г.),

⁴⁹ ОГА СБУ. Ф. 3. Оп. 279. Д. 2. Л. 198.

⁵⁰ Там же. Оп. 142. Д. 5. Л. 34.

⁵¹ Там же. Оп. 261. Д. 2. Л. 162; Д. 1. Л. 74.

⁵² Там же. Д. 1. Л. 56, 111.

который сообщал информатору, что ослабление антирелигиозной пропаганды создало благоприятные условия для сплочения верующих, поэтому необходимо изменить тактику и избрать ориентиром для прозелитической работы именно городское население (оно будет «более устойчивым»), а также сделать ставку на соответствующее воспитание детей⁵³.

На активизацию «стефановцев» органы госбезопасности ответили комплексными мерами воздействия. Рассмотрим их на примере отчетных документов управления КГБ по Сумской области за 1956–1958 г. В этом регионе «подгорновцы» и группы «ИПЦ», «ИПХ» по-прежнему являлись заметными деноминациями, несмотря на то что в области действовали 220 православных храмов, где служили 350 священников, а также мужской монастырь Глинская пустынь (в Сумском епархиальном правлении, храмах и монастыре имелись агенты КГБ).

Как отмечалось в документах, по религиозной линии в УКГБ работало 3-е отделение 4-го (секретно-политического) отдела в составе начальника, двух старших и одного оперуполномоченного, при этом по линии «сектантов и подгорновцев» работали два старших оперуполномоченных. Нормативной основой оперативной работы назывались положения постановления ЦК КПСС 1954 г., задачи, поставленные приказами КГБ СССР № 00405, 00420, а также приказом КГБ УССР от 16 июня 1956 г. Основными задачами оперативной работы по линии «церковников и сектантов» выдвигались агентурное проникновение в «группы и звенья антисоветского церковно-сектантского подполья» путем приобретения новой агентуры, способной проникать в указанную среду, «целеустремленное использование» старой опытной агентуры; проведение «активных агентурно-оперативных мероприятий» по разработке религиозной среды. Всего в области по линии «церковно-монархического подполья» (включая стефановцев) были задействованы резидент, 17 агентов и двое держателей явочных квартир (на 11 групп подполья с примерно 100 участниками). Из них непосредственно по «стефановцам» (агентурное дело «Фарисеи») работали резидент, 9 агентов и держатель явочной квартиры⁵⁴.

В документах сообщалось, что с 1945 г. в Сумской области было осуждено свыше 30 «подгорновцев», включая 13 их священников и проповедников, большинство из которых в 1955–1956 гг. вернулось в область, оставаясь на прежних позициях. После войны формальным руководителем течения выступала дочь о. Василия Подгорного — Прасковья Доля, проживавшая в Харькове и умершая в январе 1956 г. После этого основные общины течения переориентировались на о. Григория Дудника, жившего в Тростянце. Нельзя исключать, что к преемственности в «катакомбном» служении adeпты течения готовили и других потомков «старца» Стефана. Так, в рамках очередного дела Сталинского УМГБ против местных общин «подгорновцев» (дело «Кроты» 1951 г.) была задержана Анна Брова, укрывавшая внуков основателя течения — Семена и Варвару Подгорных⁵⁵.

⁵³ ОГА СБУ. Ф. 2. Оп. 27. Д. 6. Л. 202.

⁵⁴ Там же. Л. 200.

⁵⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 246. Д. 34. Л. 74–75.

В центре оперативной разработки по «стефановцам» оказался объект заведенного в мае 1956 г. дела предварительной оперативной проверки «Реставратор» — И. Д. Приходько, который, по мнению оперативников, «сколачивал» церковное подполье. Сам Приходько, в 1922 г. рукоположенный во иерея, еще в 1930-х гг. был репрессирован по сфабрикованному НКВД массовому делу «Украинской партии селян», которая якобы преследовала своей целью создание «самостийной Украины». В дальнейшем «Реставратор» осуждался еще раз за «антисоветскую деятельность». К нему были подведены агенты «Верная» (склоненная к сотрудничеству на основе факта растраты казенных денег) и «Пилигрим» — вернувшийся из лагерей в 1955 г. бывший агент МГБ. Эти источники достаточно полно освещали настроения «Реставратора». Последний, в частности, хвалебно отзывался об о. Василии Подгорном, который «стоял на истинно-православном пути укрепления христианства». «Сейчас власть, — заявлял агенту И. Приходько, — заигрывает с Западом», и нужно срочно использовать момент для борьбы с «антихристом-коммунизмом», создавать группы верующих в городах⁵⁶.

Постепенно в разработку «стефановцев» региона вводились новые агенты. В частности, источник «Яков», псаломщик «подгорновской» церкви, происходил из семьи одного из руководителей течения. Агент «Елизавета» своим личным участием в нелегальных богослужениях, хладнокровием при многочисленных проверках и «правильному поведению» вошла в доверие к супруге одного из благочинных «стефановцев»⁵⁷. Продолжалась и разработка заведенного в 1953 г. агентурного дела «Старцы» на группу «подгорновцев» с. Угроеды Краснопольского района — Марфу Ковалеву, Петра Коцаренко и др. Все они были уже не молоды и «политических» высказываний не допускали. Священник группы Григорий Выходцев, с 1947 г. находившийся на нелегальном положении и во всесоюзном розыске, был негласно задержан при попытке обменять паспорт. С ним обошлись гуманно — доставленный в милицию сын Г. Выходцева уговорил его отойти от общины и поселиться с ним в Сумах, а дело было сдано в архив⁵⁸.

Еще одним эффективным направлением противодействия «подгорновцам» стала проповедническая и разъяснительная деятельность православных приходских священников, которая координировалась УКГБ через своего агента в епархиальном управлении. Как отмечалось в отчете Сумского УКГБ за 1956 г., благодаря квалифицированным проповедям «лояльных» священников и их индивидуальным беседам часть рядовых участников «подгорновского» течения были «оторваны» от общины и стали прихожанами Московского Патриархата. Практиковалась и компрометация «мракобесов» через местные средства массовой информации. В результате комплекса агентурно-оперативных, профилактических мероприятий и пастырского воздействия духовенства Московского Патриархата в июне 1956 г. дело УКГБ «Фарисеи» было закрыто, поскольку пять оставшихся его фигурантов преклонного возраста больше «антисоветской деятельности не проводили»⁵⁹.

⁵⁶ ОГА СБУ. Ф. 2. Оп. 27. Д. 6. Л. 227–229.

⁵⁷ Там же. Л. 218–219.

⁵⁸ Там же. Л. 233.

⁵⁹ Там же. Л. 235.

По данным управления КГБ по Сумской области, в 1957 г. в регионе действовало семь «разрозненных групп» течения (до 75 человек), по которым работали пять агентов. Как отмечали оперативники, «большинство из них преклонного возраста и находятся без идейного руководства». В условиях относительной либерализации политической жизни и мер по восстановлению законности упор был сделан на профилактических мероприятиях с целью «легализации» (выхода из подполья) «подгорновцев».

Профилактика (официальное предупреждение о противоправной деятельности) была проведена по отношению к упомянутому руководителю подполья о. Г. Дуднику, что позволило, по словам чекистов, «парализовать деятельность всех подгорновских групп». Подписки об отказе от нелегальной религиозной деятельности дали активные «стефановцы» Горун, Курочка, Остапенко, Гробов и Сокол. Предлагалось разработать меры по «компрометации» активных участников течения с целью его «окончательного разложения». Местные газеты разместили «острые» статьи «Кто такие подгорновцы?». В дальнейшем предлагалось, с целью противодействия «росту секты», не допускать через агентуру поступления молодежи из семей «подгорновцев» в духовные учебные заведения, рукоположения новых священников, пострижения молодых людей в монахи⁶⁰.

К 1957 г. на учете в КГБ УССР находилось 11 групп «подгорновцев» Сумской области (до 100 человек) и пять — в Сталинской (88 участников в Артемовском, Авдеевском, Константиновском, Красноармейском районах, Сталино и Горловке)⁶¹. Да и сами органы госбезопасности вынуждены были констатировать существенные недостатки в оперативной разработке религиозного подполья. В справке о работе 4-го управления КГБ УССР от 31 августа 1955 г. отмечалось, что «слабо ведется ...агентурно-чекистская работа по выявлению из числа монашеского элемента участников антисоветского церковного подполья... с целью их активной агентурной разработки... мало проводилось мероприятий по внедрению проверенной агентуры в руководящие звенья... организованных сект»⁶².

Отметим, что Донбасс оставался, наряду со Слободской Украиной, последним регионом распространения общин «подгорновцев». Согласно данным управления КГБ по Сталинской (с 1961 г. Донецкой) области, ведшего агентурное дело «Моль» по этому течению в 1958 г. в регионе имелись по крайней мере три группы «подгорновцев» с примерно 80 участниками (для сравнения, тогда же в области чекисты насчитывали 78 членов «ИПЦ» и до 70 «иоаннитов»). Самой большой была община «подгорновцев» (58 человек) Артемовского района на севере области, примыкавшая к Слободской Украине. По мнению оперативных работников, деятельность общины заметно оживилась с досрочным возвращением из заключения ее руководителя — Ксении Петровны Шияновой. Община г. Сталино возглавлялась ранее осуждавшейся Улитой Ищенко, группа Авдеевского района — П. Плуталовой⁶³. Небольшая община «подгорновцев» под руко-

⁶⁰ ОГА СБУ. Ф. 2. Оп. 279. Д. 8. Т. 2. Л. 166.

⁶¹ Там же. Оп. 27. Д. 7. Л. 344; Ф. 1. Оп. 12. Д. 1. Л. 257.

⁶² Там же. Ф. 2. Оп. 21. Д. 15. Л. 152, 187.

⁶³ Там же. Оп. 279. Д. 8. Т. 1. Л. 97.

водством Н. Петрова (до 10 человек) была отмечена в г. Верхнее Лисичанского района Луганской области. По отношению к ее членам также была проведена «профилактика» путем вызова в милицию и КГБ. 16 мая 1958 г. газета «Луганская правда» посвятила суздальцам статью «Осиное гнездо»⁶⁴.

В докладной записке КГБ УССР в Москву от 17 декабря 1959 г. «О результатах агентурно-оперативной работы органов государственной безопасности Украины по борьбе с враждебными элементами из числа церковников и сектантов за период с 1944 по 1959 год» среди «наиболее крупных формирований», чья деятельность была пресечена, назывались общины «подгорновцев» во главе с Дудником и Фурдыло. К декабрю 1959 г. спецслужбы признавали существование «подконтрольных» им девяти групп «стефановцев» в Луганской и Сталинской областях с общей численностью в 125 человек⁶⁵. В отчете же о работе за первое полугодие 1960 г. «подгорновские» общины уже не упоминались (хотя в этом документе речь шла о пяти ликвидированных группах «Истинно-Православной Церкви» и приобретении 38 агентов в среде «церковно-монархического подполья»). В отличие от «ИПЦ» (численность ее последователей к 1960 г. КГБ УССР определял в 2 тыс. человек), задачи разложения «подгорновцев» уже не предусматривалось обсуждать на кустовых совещаниях антирелигиозных отделов областных управлений КГБ в октябре 1960 г. и т. п.⁶⁶

Таким образом, оперативные мероприятия МГБ-КГБ, информационно-пропагандистская работа и антисектантская деятельность духовенства Московского Патриархата, наряду с постепенным старением во многом сломленных репрессиями руководителей «подгорновцев», привели к тому, что к концу 1950-х гг. это течение почти сошло на нет — на уровень малочисленных маргинальных групп. С этого времени для органов КГБ «подгорновцы» перестали представлять значимый оперативный интерес. При этом отдельные активисты течения пребывали под негласным надзором спецслужб и в дальнейшем. Так, на одного из участников течения — Тимофея Буряка («бывшего кулака, активного участника монархического подполья подгорновцев») Ясиноватским горотделом КГБ в мае 1979 г. была составлена справка, а Горловским горотделом КГБ в 1982 г. — меморандум.

Некоторые «подгорновцы» продолжали свою деятельность вплоть до падения советской власти. При этом они распространяли самиздатовскую религиозную литературу, прежде всего проповеди и поучения «старца» Стефана. В «катакомбных» общинах на Украине до настоящего времени сохранились «Беседы» Стефана (Подгорного), записанные его последователями. В одном из поучений «старца» говорилось: «Одежда духовная, это Крещение, а после Крещения, если человек согрешит, то опачкает эту одежду. А покаянием может очистить и стереть. Если кто тебя гонит, клеветает, а ты у него проси прощения, да еще постарайся сделать ему добро». В высказывании «О посте» Стефан отмечал: «Про пост не сказано нигде. Пост и целомудрие без любви и других добрых дел ничто. Есть

⁶⁴ ОГА СБУ. Ф. 2. Оп. 279. Д. 8. Л. 279–280.

⁶⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 21. Д. 2. Л. 29.

⁶⁶ Там же. Л. 96, 131–134.

и такие, что постились по 40 дней и больше, а толку мало. Это когда дано, и когда нужно. Если гонят, то знай, что это дело Божие...» и т. д.⁶⁷

Уцелел также акафист «старцу» Стефану, записанный в обычной общей тетради крупным печатным шрифтом, возможно, для клиросного употребления. По состоянию тетради видно, что акафист читался часто. Он начинается словами: «Избранный от Царя сил и Господа Бога Иисуса Христа и посланный в звании Апостола преподобномучениче отче Стефане, да научиши людей Божиих, ходите в путех заповедей Господних, яко сам Господь...»⁶⁸

Подводя итоги исследования, необходимо подчеркнуть, что основным инструментом борьбы спецслужб с течением «подгорновцев» являлся агентурный аппарат. Правда, в служебных документах МГБ-КГБ неоднократно подчеркивалось, что приобретение негласных источников в среде «церковно-монархического подполья» сопряжено с немалыми трудностями, что обусловлено «фанатичным» неприятием «подгорновцами» органов власти, советской общественной жизни, умелой конспиративностью, подозрительностью последователей течения, тщательной проверкой ими неопитов, наличием сети укрытий, конспиративных квартир, значительных денежных сумм, собираемых для поддержки жизнеобеспечения проповедников и «старцев». «Агентурное проникновение в подполье, — подчеркивало Сумское управление МГБ, — крайне затруднительно в силу глубокой и тонкой конспирации и чрезмерной подозрительности со стороны» его руководителей, «почти невозможно» и приобретение агентуры из числа близких к проповедникам людей «в силу их фанатичности и беспредельной преданности»⁶⁹.

Руководство МГБ УССР признавало и определенные ошибки подчиненных по линии разработки «подгорновцев». В частности, резкой критике были подвергнуты работники, пытавшиеся привлечь к разработке «стефановцев» агента «Ветрова» — архиерея Московского Патриархата. Когда последний мотивированно отказался от такого «поручения», с возмущением отмечал начальник антирелигиозного отдела МГБ УССР полковник В. Сухонин, сотрудники начали «ставить ему в вину его неискреннее поведение и нежелание сотрудничать с органами МГБ», «организацию центра церковно-кликушеского элемента» (имелись в виду труды архиерея по поддержке монастырской жизни и старчества, помощь преследуемым за веру и странникам). Агентуру из числа епископата, наставительно писал Сухонин, следует использовать для разработки интеллигенции⁷⁰.

Преследования «стефановцев», так же как и других течений религиозного подполья, основывались на выдвижении прежде всего политических обвинений. Первоначально нередко сроки лишения свободы «подгорновцев» практически не отличались, например, от наказаний за вооруженную борьбу с властью в Западной Украине или Прибалтике, либо «пособничество бандитам» — 20–25 лет.

⁶⁷ Шумило С. Исследование катакомбных рукописных и печатных книг: К постановке проблемы / Поэтика церковной прозы (XI–XX вв.) // Чернігівські Афіни. Вип. 2. Чернігів, 2014. С. 209.

⁶⁸ Там же. С. 206.

⁶⁹ ОГА СБУ. Ф. 2. Оп. 27. Д. 6. Л. 213.

⁷⁰ Там же. Оп. 279. Д. 8. Т. 1. Л. 12–13.

Однако со временем приговоры участникам движения становились менее суровыми.

Следует отметить, что «подгорновское» течение имело немало общих черт с другими основными сегментами оппозиционной советской власти и Московскому Патриархату религиозного движения 1920–80-х гг., прежде всего «Истинно-Православной Церкви» и «истинно-православных христиан». Зародившись как полусектантское течение, резко осужденное Святейшим Синодом, «подгорновское» течение пережило радикальное преобразование на рубеже 1920–1930-х гг., превратившись в разновидность протеста против преследований свободы совести, вероисповедания и насильственных, форсированных методов социально-экономического переустройства, сопровождавшихся репрессивными кампаниями. Так как основной социальной базой движения было крестьянство, то протест против коллективизации (сопровождавшейся волной жестоких преследований Церкви) стал одним из стержней социально-критической платформы «стефановцев».

В остальном можно констатировать (и изученные документы НКГБ-МГБ-КГБ это подтверждают), что распространение «подгорновского» течения в СССР было закономерным результатом системных государственных преследований свободы вероисповедания и канонического православия и воплотило почти все основные черты религиозного подполья: категорическое неприятие преследований за веру со стороны советской власти; осуждение и бойкот социально-политических мероприятий власти, максимальное дистанцирование от общественной жизни и соответствующее воспитание детей; отказ от выполнения конституционно закрепленных обязанностей, включая службу в армии и выборы органов власти; наивные ожидания частью адептов «избавления» от оккупационного режима агрессоров; радикальное неприятие Московского Патриархата, самого ставшего жертвой массовых репрессий и гонений, что обрекало «стефановцев» на постепенную утрату возможности участвовать в богослужении и приобщении христианских таинств; тиражирование культа «старчества»; неадекватное восприятие окружающей действительности, что порождало, в частности, апокалиптические настроения и химерные ожидания прихода «царя», «поражения СССР в войне»; распространение авантюризма, «духовного самозванчества», аморальных поступков, что, в свою очередь, облегчало агентурную, репрессивную и дискредитационную деятельность органам госбезопасности и советскому атеистическому аппарату.

Использованные при написании статьи документы органов госбезопасности (не предназначенные для пропагандистского использования и в силу этого более информативные) являются серьезным источником исследования истории религиозного подполья в СССР и, в частности, в Украинской ССР, требуя одновременно тщательного источниковедческого анализа и сопоставления с другими группами источников.

Ключевые слова: Православная Церковь, антирелигиозная политика, религиозная оппозиция, «катакомбная» церковь, государственный атеизм, органы госбезопасности, репрессии.

Список литературы

- Веденеев Д. В., Биструхин Г. С.* Двобій без компромісів. Протиборство спецпідрозділів ОУН та радянських сил спецоперацій. 1945–1980-ті роки: Монографія. Київ, 2007.
Галузевий державний архів СБУ: Путівник. Харків, 2009.
Сергійчук В. І. ОУН – УПА в роки війни: нові документи і матеріали. Київ, 1996.
Шумило С. Исследование катакомбных рукописных и печатных книг: К постановке проблемы // Чернігівські Афіни. Вип. 2: Поэтика церковной прозы (XI–XX вв.). Чернігів, 2014. С. 209–226.

St. Tikhon's University Review.
Series II: History, Russian Church History.
2017. Vol. 75. P. 94–119

Shkarovskii Mikhail,
Doctor of History, Professor,
Saint Petersburg Central State Archive,
Saint Petersburg Theological Academy,
17 Naberezhnaia Obvodnogo Kanala, Saint Petersburg 191167,
Russian Federation
shkarovs@mail.ru

Vedenev Dmitriy.
Doctor of History, Professor,
National Academy of Government Managerial Staff
of Culture and Arts, Ukraine.
9 Lavrska ul., Kiev 02000, Ukraine
zastava67@i.ua

POLICE INVESTIGATIONS AND REPRESSIONS
OF SOVIET STATE SECURITY ORGANS AGAINST
THE RELIGIOUS MOVEMENT OF *PODGORNOVTSI* (*STEFANOVTSI*)
IN 1930–1960s

M. SHKAROVSKII, D. VEDENEEV

The paper deals with the origin, spread and characteristic features of religious and socio-cultural life of the oppositional (“catacomb”) religious movement of *podgornovtsi* during the period of the 1930–1960s. This study is based on recently declassified documents of Soviet state security organs. The paper considers the personality of the founder of the movement Stefan Podgorny and the transformation of the movement from the anti-canonical Orthodoxy to a quasireligious variety of the anti-Communist opposition. This transformation was caused by the persecution of the Orthodox Church in the 1920s, the forced collectivisation, destruction of the traditional way of village life, as well as the official position of Moscow Patriarchate as to the recognition of the Soviet state. The paper discusses forms and methods of the police investigation and repressions against *podgornovtsi*. Based on documents from archives of Ukrainian state security organs (it should be noted that the movement was particularly popular in the Ukraine), the paper shows features of the religious “doctrine” of the movement, its rites, worldview, social and political beliefs and everyday life of the adherents of the movement, as well as their relationships with German military organs and postwar

repressions against the movement. It is concluded that the spread of this movement in the USSR was a logical result of persecution of the canonical Orthodoxy and the restriction of religious freedom. Communities of *podgornovtsi* embodied such characteristic features of “religious underground” as deliberate withdrawal from any social and political events of the state, maximal distancing from social life and the corresponding upbringing of children, apocalyptic sentiment, denial to perform social duties, including military service and voting in elections.

Keywords: Orthodox Church, antireligious policy, religious opposition, “catacomb” Church, state atheism, state security organs, repressions.

References

- Vedenieiev D., Bustruyuchin G., *Dvobiy bez compromisiv. Protuborstvo spezpidrozdiliv OUN ta radyanskich sil spezoperaziy. 1945–1980-ti roku*, Kyiv, 2007.
- Galuyzevuy dergavnyu archive SBU. *Putuyvnik*, Charkiv, 2009.
- Sergiushyuk V., *OUN-UPA v roku viynu novi dokumentu i materijalu*, Kyiv, 1996.
- Shumilo S., “Issledovaniy katacombnyuch i pechatnyuch kniyg: k postanoyvke problemuy”, in: *Cherniygovskiuy Afinu*, 2014, 2, 209-226.